МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Медяков Александр Сергеевич

Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник

Раздел 07.00.00 – исторические науки
Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Официальные оппоненты – *Бородкин Леонид Иосифович,*
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», заведующий кафедрой исторической информатики исторического факультета

Козлов Денис Юрьевич,
доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт российской истории» РАН, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра военной истории России

Ростиславлева Наталья Васильевна,
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», профессор кафедры всеобщей истории факультета архивного дела Историко-архивного института, директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ

Защита диссертации состоится «___» _____ 2020 г. в ___ часов на заседании Диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416. E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: https://istina.msu.ru/dissertations/274317800/

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат исторических наук Е.В. Романова

Актуальность и научная значимость темы диссертации проистекает в первую очередь из фундаментальной потребности исторической науки в новых источниках, разработке сфер их применения и подходов к изучению. В силу своей комплексности открытка в широкой перспективе может служить источником для исследования самых разных сторон той эпохи, которая ее породила и вершиной которой стала Первая мировая война. Научная значимость этого источника связана также с тем, что он является ценным объектом для применения различных современных методологических подходов, от визуальной истории до исторической антропологии. Актуальность темы исследования обусловлена не в последнюю очередь введением в научный оборот значительных объемов материалов из частных коллекций и государственных архивов. Решение поставленных в диссертации проблем позволит выявить источниковую ценность почтовой открытки в ряду других визуальных медиумов и источников личного происхождения.

Тема диссертации обладает особенной актуальностью также с точки зрения новых подходов к изобразительным источникам, которые заявили о себе в связи с так называемым «визуальным поворотом», начавшимся с 90-х гг. XX в. Открытка стала едва ли не важнейшей частью шедшего с конца XIX в. процесса «демократизации картинки», явившегося следствием зарождения массовой культуры, с одной стороны, и развития массовых же способов производства изображений – с другой. Источниковая ценность открытки в значительной степени связана именно с ее массовостью и демократичностью, поскольку социальная включенность открытки, ее связь с жизненным миром человека были максимальными благодаря самой ее функциональности. Открытка доносит до нас не только повседневный визуальный мир людей прошлого, но и их личные свидетельства, предоставляя возможность изучения связи между ними.

Весь этот источниковый потенциал открытки приобретает особую ценность в эпоху Первой мировой войны. Именно потому, что эта война так отличалась от предыдущих, общественная потребность в ее образах была необычайно велика; в эпоху миллионных армий колоссальной оказалась и потребность в простом и быстром средстве коммуникации. Первая мировая война представляла собой, помимо всего прочего, еще и глобальное медийное событие, важной стороной которого была борьба за образы, структурировавшие ее восприятие. Сотни миллионов открыток, распространявших эти образы в буквальном смысле слова «с доставкой на дом», играли в этих процессах ключевую роль.

Актуальность темы связана также с тем местом, которое открыточные изображения занимали в переработке войны – ее рецепции, мифологизации, коммеморации, фиксации образов врага, в частности, в обеспечении определенных моментов континуитета между двумя мировыми войнами. Тем самым изучение открытки способно внести существенный вклад в более общую проблематику исследований культуры памяти, образа Другого и т.д. Вместе с тем, едва ли не основной посыл настоящей работы заключается как раз в том, что значимость открытки как исторического источника далеко выходит за пределы всего лишь «картинки».

Объектом диссертационного исследования является возникшая в годы Первой мировой «культура войны», интегрирующая в себе менталитеты, повседневные практики, а также пропаганду и идеологию в их взаимодействии и взаимовлиянии. ***Предметом*** исследования выступают немецкие почтовые открытки Первой мировой войны в качестве источника изучения «культуры войны».

Ключевым понятием в подходе автора к феномену открытки является комплексность. С одной стороны, сама открытка понимается в качестве многосоставного источникового комплекса, разнородность элементов которого с необходимостью превращает его в предмет комплексного источниковедения. С другой стороны, комплексными и чрезвычайно

разнообразными были бытование и функции открыток в «культуре войны», делающие необходимым изучение множества факторов, касающихся происхождения открыток (автор, издатель, производитель), их бытования (специфика рынка, другие аспекты распространения и потребления) и, наконец, трактовки. Для этого требуется исследовать как общий дискурс по тому или иному предмету, так и, по возможности, конкретный реальный или литературный материал, легший в основу открыточного сюжета, а также своеобразный мета-текст, т.е. различные отклики на изобразительное послание – в личных текстах на самих открытках, в письмах, мемуарах и дневниках, в рецензиях в прессе и журналах, в визуальных цитатах другими изображениями. В исследовании полностью учитывается эта специфика открытки как своеобразного шарнира на грани публичной (производство и предложение) и частной (потребление) сфер.

Целью диссертации является определение информационного потенциала немецких открыток Первой мировой войны и их ценности в качестве исторического источника.

Для достижения этой цели были поставлены следующие ***исследовательские задачи***:

- выявление социального места и функций открытки как коммуникационного и социокультурного феномена рубежа веков;
- решение теоретических задач определения открытки как исторического источника – его структуры, типологии, видовой и жанровой классификации и систематизации;
- разработка методов изучения и анализа открытки как исторического источника;
- составление корпуса открыток, релевантного для выполнения поставленных задач, в том числе путем введения в научный оборот материалов из частных коллекций;

- изучение специфики производства и потребления открыток в годы войны, их места в структуре германской полевой почты, вопросов цензуры, а также не почтовых функций и практик, связанных с открыткой;
- выявление источникового потенциала открыток с точки зрения степени отражения ими общественных настроений в Германии, а также их роли в фиксации и передаче фронтового опыта;
- анализ факторов, влиявших на содержание визуальных посланий открыток в их качестве поставщика моделей объяснений происходящего, в первую очередь, причин, характера и смысла войны;
- исследование возможностей открыток как источника по изучению различных вариантов немецкой национальной самоидентификации, эволюции их содержания и функций;
- изучение транспортировавшихся открытками представлений о Другом, а именно образов союзников и врагов с выявлением сходства и различия в их смысловом наполнении, функциональности, публичной и частной рецепции.

Хронологические рамки диссертации охватывают период Первой мировой войны – 1914-1918 гг., однако в ряде случаев возникает необходимость в обращении к более раннему времени для выявления моментов традиции и континуитета в открыточных практиках и конвенциях, особенно в содержании изобразительных посланий. ***Географически*** речь идет о Германской империи – той стране, в которой феномен почтовой открытки получил самое выраженное и полное развитие, так как Германия являлась безусловным мировым лидером во всех связанных с нею сферах, от производства до потребления. Отчасти затрагивается и Австро-Венгрия, поскольку издательства в обеих странах активно работали на рынок друг друга, их связывали тесные коммерческие отношения, а политическая и культурная близость обусловила значительное сходство содержания и изобразительного языка производившихся ими открыток.

Методологическая основа исследования. Комплексный характер открытки как источника с необходимостью предполагает использование

междисциплинарного подхода и применения теоретико-методологических и методических достижений как различных направлений исторической науки, так и смежных научных дисциплин. В самом широком отношении речь в первую очередь идет о собственно *методологии истории*[1] с ее принципами истины, конкретности, историзма, опоры на источники и классическими методами – историко-генетическим, историко-сравнительным, историко-типологическим и историко-системным, а также количественным методом анализа источников.

Принципиально значимыми для исследования роли и места открыток во фронтовой повседневности являются подходы *исторической антропологии*. В последние годы центральной категорией антропологического подхода к истории Первой мировой войны стала не «аутентичная» реконструкция прошлого, а так называемый военный опыт, для изучения которого самым активным образом привлекается полевая почта. Опыт понимается как «перманентный процесс переработки, в котором координируются друг с другом восприятие, трактовка и действие», причем он всегда изменчив, т.к. постоянно балансирует между имеющимся и ожидаемым[2]. Особенно важным моментом является сопряжение индивидуального опыта с имеющимися нарративами и социальным знанием. Плодотворным представляется в этой связи осуществленное немецкими исследователями полевой почты применение положений *социологии знания*, в частности, тезиса о действительности как о социально конструируемом феномене, сформулированного П.Бергером и Т.Лукманом в их классическом одноименном труде[3]. Положение о том, что человеческое сознание не просто «отражает» окружающую действительность, но и соучаствует в ее

---

[1] Могильницкий Б.Г. Методология истории // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 271-274.

[2] Buschmann N., Horst C. Zugänge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. Forschung, Theorie, Fragestellung // Buschmann N., Horst C. (Hg.) Die Erfahrung des Krieges. Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Französischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg. Paderborn, Wien, München, Zürich, 2001. S. 18.

[3] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование действительности. М., 1995.

конструировании, находит применение в отношении фронтового опыта, а именно в его подразделении на «военное переживание» и собственно «военный опыт». Первое представляет собой определенный момент, выделенный посредством субъективного внимания в постоянном потоке впечатлений, в то время как второй есть удавшееся сопряжение переживания с социальным знанием, частицей которого, в том числе в форме стереотипов, обладает каждый человек. Пережитое соотносится и сравнивается с социальным знанием и в случае успеха наделяется смыслом, превращается в опыт. Пытаясь объяснить собственную жизнь, авторы посланий неизбежно прибегали к доступному им фонду социального знания, а именно к наличествовавшим в обществе дискурсам.

Имея в своей основе социальное знание, любой публичный дискурс ограничивает для конкретной задачи или ситуации возможные интерпретации доступной информации[4]. Применительно к условиям войны утверждается, что физическая борьба неотделима от ее репрезентаций, т.е. нет войны без военных дискурсов; в свою очередь, формой существования этих дискурсов являются различные медиа: «лишь дискурс в общественных медиа сообщает войне действительность»; в содержательном же отношении медиа выстраивают публичные дискурсы посредством использования символов, с помощью которых общество коммуницирует различные военные смыслы, воображает войну как целое и запоминает ее; решающей является бинарная оппозиция «мы» и «они»[5]. Соответственно, *исторический дискурсивный анализ* позволяет исследовать, какие именно части социального знания, сконцентрированные в определенные группы военных дискурсов, привлекались для объяснения происходившего, изучать их континуитеты и изменения, использовать послания фронтовиков для анализа военного опыта.

---

[4] Paddock T.R.E. Creating the Russian Peril. Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890-1914. Rochester, N. Y., 2010. P. 9.

[5] Hüppauf B. Medien des Krieges // Werber N., Kaufmann S., Koch L. (Hg.) Erster Weltkrieg: Kulturwissenschaftliches Handbuch. Stuttgart, 2014. S. 311.

Значение открыток в этом смысле трудно переоценить, поскольку они являлись не чем иным, как визуализацией бытовавших в обществе представлений и установок, доставленных прямо в руки потребителю. Следует также подчеркнуть, что речь идет не о частных или маргинальных сегментах социального знания, а об общих и массово принимаемых. В отличие от произведений искусства, понятных немногим, и даже от сатирических журналов, также нередко имевших достаточно высокую эстетическую и интеллектуальную планку, открытки транспортировали широко известное, банальное, т.е., по сути, наиболее принятые и распространенные трактовки и объяснительные модели.

Различные стороны источникового комплекса открытки потребовали применения специфических методологических оснований к их изучению. Так, при анализе личных посланий на открытках активно использовались подходы, предложенные *коммуникационной лингвистикой* и касающиеся специфики языка открыточной коммуникации, структуры личных текстов, интегрального понимания источника в качестве так называемого открыточного коммуниката.

Одной из методологически наиболее сложных является проблема изучения изображения. В роли самого общего методологического основания в настоящей работе фигурирует *Visual History*, понимаемое как интегрирующее обозначение для всех тех направлений, «которые рассматривают различные жанры изображений как источники и самостоятельные предметы в историографических исследованиях… тематизируют визуальность истории и историчность визуального»[6]. В более конкретном отношении автору близки подходы *исторического исследования образов* (historische Bildforschung) Й.Йегера и, в частности, нацеленность «не на охват по существу определенных типов изображений, а на историческую обусловленность и значения изображений, и их восприятия». Важным для

[6] Paul G. Von der Historischen Bildkunde zur Visual History // Visual History. Ein Studienbuch. Göttingen, 2006. S. 25.

проблематики диссертации является также подчеркиваемая данным подходом комплексность визуальных образов, а именно такие их качества, как медиальность, иконичность и материалистичность[7]. С точки зрения особенностей открытки как массового источника методически предпочтительным оказывается *сериально-иконографический метод*, подразумевающий создание выборок изображений на основании определенных критериев и анализ их основных компонентов[8].

Поскольку сама логика военного противостояния привела к тому, что значительное и даже определяющее место как непосредственно в открытках Первой мировой войны, так и, соответственно, в проблематике настоящего исследования занимает упомянутая оппозиция «мы» и «они», автор использовал ряд подходов, с разных позиций трактующих эту проблему. Речь идет об *исторической имагологии*, изучающей в первую очередь нарративы образов Другого; об *исследованиях стереотипов и образов врага* из социологической, политологической и этнологической перспектив; о *теории карикатуры*, являвшейся наиболее распространенным визуальным средством конструирования образа врага.

Формирование ***источниковой базы*** диссертации полностью следовало поставленным в ней исследовательским задачам, в частности, стремлению возможно более полным образом отразить комплексность открытки как социокультурного феномена и исторического источника. Соответственно, источниковая база далеко не ограничивается лишь собственно открытками, а включает в себя целый ряд источников других видов и типов, способных раскрыть различные аспекты использования и бытования открыток в Германии времен Первой мировой войны.

Наиболее важную группу источников образуют собственно *иллюстрированные почтовые открытки*. Первостепенной задачей исследования стало составление их обширного и представительного корпуса,

---

[7] Jäger J. Fotografie und Geschichte. Frankfurt/M., 2009. S. 9-10.

[8] Talkenberger H. Von der Illustration zur Interpretation. Das Bild als historische Quelle // Zeitschrift für Historische Forschung. 1994. № 3. S. 297.

формировавшегося из трех основных источников – частных коллекций, публикаций открыток в отдельных изданиях и в сети Интернет, архивных фондов. Ядром корпуса являются открытки одной из самых крупных в мире коллекций по теме Первой мировой войны, принадлежащей российскому собирателю В.В.Крепостнову. Из общего количества около 50 тыс. штук по тематическому принципу было отобрано свыше 4 тыс. немецких открыток, часть из которых автор диссертации опубликовал в 4-томном издании «Первая мировая война на почтовых открытках / World War I in postcards»[9]. Оставшиеся за пределами этой публикации и не воспроизведенные на страницах настоящей работы открытки составили дигитализированную часть корпуса, которая может быть в любой момент предъявлена автором[10]. В источниковую базу диссертации вошли также около 1,5 тыс. открыток из коллекции самого автора исследования.

Как печатные, так и электронные публикации, к большому сожалению, в полной мере отражают односторонний взгляд на открытку как исключительно «картинку» – даже в самых качественных из них оборотная сторона открыток не публикуется. Это касается, в частности, всех трех наиболее крупных коллекций открыток, выставленных в сети Интернет – собрания «Исторических иллюстрированных открыток» университета в г. Оснабрюке (Германия), в основу которого легла частная коллекция специалистки по истории музыки С.Гисбрехт[11], открыток из фондов Германского исторического музея[12] и из Изобразительного архива

[9] Медяков А.С. Первая мировая война на почтовых открытках / World War I in postcards. Т. I-IV. Киров, 2014.

[10] В данном случае автор следует тому модусу верификации источниковой базы исследования, который применила немецкий историк М.Юнг-Дистельмайер, чья монография также основывается на открытках из частной коллекции. Jung-Diestelmeier M. Visuelle Stereotype auf Postkarten und deutsche Selbstbilder 1899-1918. Göttingen, 2017. S. 39.

[11] Historische Bildpostkarten. Universität Osnabrück. Sammlung Prof. Dr. S. Giesbrecht. URL: https://bildpostkarten.uni-osnabrueck.de).

[12] Deutsches Historische Museum URL: https://www.dhm.de.

Австрийской национальной библиотеки[13]. Из всех трех коллекций в общей сложности в диссертации использовалось свыше 2 тыс. открыток.

Важной составной частью сформированного для диссертации корпуса открыток явились карточки из фонда «Собрание изображений и открыток» Военного архива – IV отдела Баварского государственного архива[14], насчитывающие около 4 тыс. штук. Уникальность этой составляющей корпуса заключается в том, что значительная его часть приходится на открытки, присланные в годы войны различными издательствами на рассмотрение баварских цензурных ведомств и отложившиеся в архиве. Иными словами, привлечение подобных карточек оказывается релевантным с точки зрения анализа не только собственно изображений, но и проводившейся в их отношении цензурной политики. Оборотной стороной тех возможностей для анализа, которые предоставляют открытки из баварского архива для изучения цензурной практики, вновь является вынужденное сосредоточение исключительно на изображениях, поскольку такие открытки-образцы, естественно, не проходили почту. Наконец, в исследовании использовались также несколько сотен открыток из собрания Отдела изоизданий Российской государственной библиотеки.

В результате привлечения всех этих источников сложился значительный корпус открыток количеством около 12 тыс. штук, достаточно обширный для решения тех задач диссертации, которые связаны непосредственно с анализом изображений. Вместе с тем ряд поставленных в диссертации вопросов потребовал также изучения оборотной стороны открыток – текстов личных посланий, почтовых и цензурных отметок. Несмотря на то, что преобладающая часть открыток корпуса не прошла почту либо, как

---

[13]Bildarchiv Austria. Die Bildplatform der Österreichischen Nationalbibliothek. URL: http://www.bildarchivaustria.at. В диссертации также использовались по нескольку десятков дигитализированных открыток из архивов Карлсруэ: Stadtarchiv Karlsruhe. URL: https://www.stadtarchiv-karlsruhe и Баден-Вюртемберга. Landesarchiv Baden-Würtemberg. URL: https://www2.landesarchiv-bw.de.

[14] Bayerisches Hauptstaatsarchiv. Abteilung IV. Kriegsministerium (далее: BHStA. Abt. IV. MKr). Bilder- und Postkartensammlung.

указывалось выше, была недоступна в этом отношении, удалось исследовать личные тексты на 2208 открытках.

Раскрытие источникового потенциала открыток невозможно без выявления обстоятельств их происхождения, ускользающих при обращении лишь к иллюстративной стороне. В частности, большое влияние на содержание изобразительных посланий имела цензура, принципиально важную роль в изучении которой играют *архивные материалы*. Децентрализованный характер цензуры в Германии времен войны заставляет обратиться в первую очередь к архивам тех ее областей, которые были более всего активны как в отношении производства открыток, так и контроля над ними – Баварии и Саксонии. Так, значение фондов Баварского государственного архива далеко не исчерпывается упомянутой выше коллекцией открыток. Именно баварское Военное министерство явилось в Германии главным инициатором ужесточения цензурной политики применительно к открыткам и в дальнейшем также было чрезвычайно активно в этом отношении. Фонды министерства содержат сопроводительные письма издателей к отправлявшимся для цензуры открыткам, списки запрещенных открыток, посвященную открыткам служебную переписку баварского Военного министерства с отдельными издателями, гражданскими и полицейскими властями, центральными и местными цензурными ведомствами, организациями, представлявшими открыточную отрасль[15]. Поскольку вопросами цензуры в Баварии занималось не только Военное министерство, но и командование дислоцированного там I армейского корпуса, привлекались также архивные материалы последнего. Речь идет о фондах, затрагивавших как конкретные случаи цензуры открыток и изображений в целом, так и общую цензурную политику[16]. Наконец, здесь же отложились печатные материалы для проведения учрежденных в конце

[15] BHStA. Abt. IV. MKr. 13344, 13345/1, 13345/3, 13345/4, 13345/8.
[16] Ibid. 1701, 1702, 1709, 1764.

войны так называемых «патриотических уроков», что позволяет оценить место открыток в официальной государственной пропаганде этого времени.

Не менее значимы материалы из Главного государственного архива Саксонии. Как и в баварском случае, релевантными для изучения темы оказались фонды местного XII армейского корпуса[17]. Фонды министерства внутренних дел вызывают особый интерес, поскольку в Саксонии именно это ведомство по согласованию с военными властями занималось непосредственной цензурной практикой[18]. Документы из фондов министерства экономики содержат обращения к властям со стороны отдельных издательств и профессиональных организаций, а также служебную переписку на этот счет[19].

В фондах XIII армейского корпуса, находящихся в Главном архиве Штуттгарта, находятся общие установки по цензуре, списки запрещенных открыток и другие материалы[20]. Важно отметить, что в фондах всех трех архивов в значительных количествах содержатся документы, свидетельствующие о позиции берлинских цензурных ведомств – переписка, нормативные документы, памятные записки и т.д. С другой стороны, практика обмена между цензурными ведомствами отдельных земель списками запрещенных в них открыток привела к тому, что материалы нескольких местных архивов позволяют видеть всю панораму цензурной практики в годы войны и составить о ней целостное представление.

Среди опубликованных источников важной группой выступили немецкие *иллюстрированные журналы*, привлечение которых диктовалось необходимостью с точки зрения выявления более широких визуальных дискурсов, в которые были вовлечены открытки. Не менее значимыми журналы оказываются и из специфически источниковедческой перспективы, в частности, процесса установления источника – происхождения, авторства,

---

[17] Sächsisches Staatsarchiv. 11348. № 3196, № 3197.
[18] Ibid. 10736. № 03853, № 03856.
[19] Ibid. 11168.
[20] Hauptstaatsarchiv Stuttgart. M 77/1. Bü. 428, 429, 434, 435, 437, 452, 532.

датировки. Так, ряд журналов выпускал собственные серии открыток с изображениями из своих номеров. В диссертации изучались наиболее известные юмористические и сатирические журналы Германии различных направлений: берлинские еженедельники – скорее консервативный «Кладдерадач», тяготевший к национал-либералам «Лустиге Блэттер», леволиберальный «Ульк»; выходивший в Штутгарте социал-демократический «Дер Варе Якоб», а также мюнхенские издания – остросатирический оппозиционный «Симплициссимус», развлекательный «Флигенде Блэттер» и обладавший самыми высокими стандартами литературно-художественный журнал «Югенд»[21]. Помимо этого привлекались иллюстрированные альманахи, возникшие в годы войны и специально ей посвященные[22].

Разнообразные стороны социального бытия открытки отразились в периодических изданиях различного содержания и характера. Так, важную информацию о художниках, издателях, а также трактовках и рецепции изображений на открытках дают *журналы по графике и изобразительному искусству* – «Дас Плакат», «Кунстгевербеблатт», «Ди Райнлэнде». Особенно следует выделить журнал «Кунстварт унд Культурварт», издававшийся известным деятелем культурно-реформаторского движения рубежа веков, искусствоведом и исследователем карикатуры Фердинандом Авенариусом (1856-1923), который много места на страницах своего издания уделял открытке, подходя к ней с весьма критических позиций.

Существенный дефицит в исследованиях, посвященных открыткам, составляет изучение их производственно-коммерческой стороны, раскрытие которой невозможно без привлечения соответствующих источников, в частности, *профессиональных периодических изданий бумажной*

---

[21] Kladderadatsch. 1914-1918; Lustige Blätter. 1914-1918; Ulk. 1914-1918; Der Wahre Jakob. 1914-1918; Simplicissimus. 1914-1918; Fliegende Blätter. 1914-1918; Jugend. 1914-1918.
[22] Der Krieg. Illustrierte Chronik des Krieges. Stuttgart, 1914-1918. Bd. 7-11; Der Krieg 1914/17 in Wort und Bild. Bd. 4. Leipzig, 1917.

промышленности[23]. Речь идет о самых разных аспектах деятельности бумажных фабрикантов, издателей и торговцев – ситуации с сырьем и материалами, роли картелей и других профессиональных объединений, об отношениях с властями, множестве других конкретных сюжетов, касавшихся открыточной отрасли. Наиболее информативным источником является газета «Папир-Цайтунг», преимущество которой заключается в том, что она охватывала все связанные с бумагой сферы, от производства до распространения[24].

Первостепенное значение для изучения поставленной темы имеют *газеты*. В первую очередь они служат источником для выявления тех общественных дискурсов, которые визуализировались открытками и иллюстрированными журналами. Связь открыток с газетами была и более непосредственной, поскольку именно из газетных публикаций художники и издатели черпали множество конкретных сюжетов, иногда реагируя на какое-либо событие буквально в тот же день. В диссертации использовались надрегиональные органы печати ряда ведущих политических сил и идеологических направлений Германии – социал-демократическая газета «Форвертс», национал-либеральная «Берлинер Бёрзенцайтунг», леволиберальная «Берлинер Тагеблатт», либеральная «Франкфуртер Цайтунг», консервативный полуофициоз «Норддойче Алльгемейне Цайтунг»[25].

Поскольку одна из задач диссертации заключается в выявлении роли открыток в возникновении фронтового опыта, особое значение имеет использование армейской прессы, позволившее лучше понять различные горизонты этого опыта и выявить место публично предлагавшихся объяснительных моделей в его формировании. Армейские газеты освещали

---

[23] Archiv für Buchgewerbe. Bd. 51-55. 1914-1918; Papier-Fabrikant. 1914; Wochenblatt für Papierfabrikation. Bd. 45-46. 1914-1915.
[24] Papier-Zeitung. 1914-1917.
[25] Vorwärts. 1914-1918; Berliner Börsenzeitung. 1914-1918; Berliner Tageblatt. 1914-1918; Frankfurter Zeitung. 1914-1918; Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1914-1918.

также различные аспекты бытования открыток на фронте – распространение, специфические практики. Некоторые из них сами издавали открытки. К исследованию были привлечены фронтовые газеты отдельных армий как Западного, так и Восточного фронтов[26]. Особняком стоит «Газетт дез Арденн» – немецкий пропагандистский орган, предназначенный для населения оккупированных территорий на Западном фронте[27].

Наряду с германскими использовались также иностранные газеты. Среди австрийских газет выделяется либеральная «Нойе Фрайе Прессе», один из лидеров немецкоязычного печатного мира. Различные стороны производства и коллекционирования открыток получили отражение в соответствующих специализированных изданиях[28].

Одним из самых ярких случаев «перекрёстной истории» являются своеобразные «открыточные сражения» между Германией и Францией. Газеты в обеих странах были склонны видеть в открытках выражение общественных настроений в стане противников и регулярно обращались к этой теме. Для освещения подобных противостояний на ниве открыток были привлечены лидеры французского печатного рынка – газеты «Фигаро», «Тан», «Матэн», «Юманите» и «Пти Паризьен» [29].

Использованная в работе *публицистика* затрагивает самые разные темы и сюжеты. Особенной ценностью для исследования обладали те работы, в центре внимания которых оказывалась собственно почтовая открытка – ее роль как средства почтового сообщения, культурное, социальное и политическое значение[30]. Помимо этого, привлекались публикации,

---

[26] Der Champagne-Kamerad. Feldzeitung der 3. Armee. 1915-1916; Feldezeitung der 5. Armee. 1915-1918; Kriegszeitung der 7. Armee. 1915-1918; Kriegszeitung der 9. Armee. 1916-1918; Zeitung der 10. Armee. 1915-1918; Liller Kriegszeitung.1914-1918.

[27] Gazette des Ardennes: journal des pays occupés. 1914-1918.

[28] Neue Freie Presse. 1914-1918; Österreichisch-Ungarische Buchdruckerzeitung. Wochenblatt für sämmtliche graphische Zweige. 1914-1918; Kriegssammler-Zeitung. 1916-1918.

[29] L'Humanité. 1914-1918; Le Matin. 1914-1918; Le Petit Parisien. 1914-1918; Le Figaro. 1914-1918; Le Temps. 1914-1918.

[30] Евдокимов Л.В. Народное солдатское письмо (В России и заграницей) // Военный сборник. 1914. № 3. С. 149-164; Бабенчиков М. Война в народных картинках и иллюстрациях // Современник. 1914. № 12. С. 259-263; Spamer A. Der Krieg, unser Archiv

освещающие многие прочие стороны немецкой «культуры войны» – от почтовых практик до пропаганды образов врагов[31].

Если газеты и публицистика способствовали лучшему пониманию смыслов изобразительных посланий открыток, то личные тексты на последних рассматривались в контексте других *источников личного происхождения*. Для времени Первой мировой войны характерна резкая экспансия личных свидетельств – как количественная, поскольку разлука и необычность переживаемого заставляли гораздо чаще браться за перо, так и, что особенно важно, качественная. Новизна заключалась не только в том, что к регулярному писанию приступили те группы населения, которые не часто прибегали к подобной практике, но и в том, что им, как никогда раньше, была предоставлена публичная трибуна. Распространенной практикой как во время войны, так и сразу после нее были издания подборок солдатских писем в отдельных книгах и брошюрах[32]. Будучи очевидно тенденциозными по

---

und unsere Freunde. Ein Aufruf des Volkskundearchivs des Bayerischen Vereins für Volkskunst und Volkskunde in München // Bayerische Hefte für Volkskund. München, 1915. Bd. 2. H. S. 1-52; Schulz-Besser E. Der Weltkrieg im Scherzbilde // Zeitschrift für Bücherfreunde, N.F. 6. Jg. 1914/1915. Bd. II. S. 285-300; Idem. Die Karikatur im Weltkriege. Leipzig, 1915; Swoboda H. Religiöse Kriegs-Ansichtskarten // Die Kultur. Bd. 16. 1915. S. 65-74; Денисов В. Война и лубок. Петроград, 1916; Deneken F. Künstlerische Postkarten // Zeitschrift für Bücherfreunde N.F. 1917. Bd. 1. S. 93-94; Schmidt E. E. H. Das politische Werbewesen im Kriege. Vortrag von E.E. Hermann Schmidt im «Arbeitsbund fur Werbelehre» am 6. Marz 1919 in Berlin. Berlin, 1919.

[31] Dreßler H. Entstehung und Verwendung des Kosakentums im Zarenreiche // Köhler W. (Hg.) Die Kosaken des Zaren. Selbsterlebtes in den Kriegsjahren 1914/15. Minden und Leipzig, 1915. S. 5-8; Weltkrieg und Erziehung // Zeitschrift für Kinderforschung. 1915. Bd. 20. H. 5. S. 241-247; Rundtstedt M. V. Der Schützengraben der deutschen Frau. Stendal, 1916; Müller-Meiningen E. Der Weltkrieg 1914–1917 und der «Zusammenbruch des Völkerrechts». Berlin, 1917. Bd. 1; Presber R. Notizen am Rande des Weltkrieges. Berlin, 1917; Alvensleben B. von. Illustrierte Briefmarken-Sprache für Liebende und Verlobte in originellen Reimen. Leipzig, 1917; Hauffen A. Geschichte des deutschen Michel. Prag, 1918.

[32] Delbrück J. (Hg.) Der deutsche Krieg in Feldpostbriefen. 9 Bände, München 1915–1917. Bd. 2. Hindenburg und Tannenberg. München, 1915; Hundert Briefe aus dem Felde. Was die Soldaten über den Krieg erzahlen. Nurnberg, 1915; La dernière lettre écrite par des soldats tombés au champ d'honneur 1914-1918. P., 1922; Witkop Ph. Kriegsbriefe gefallener Studenten. München, 1928. В работе использовались также современные публикации военных писем. См.: Wiechmann G. (Hg.) «Man kann sagen, daß der Krieg ein lebensgefährlicher Sport ist». Oldenburgische Lehrer und Seminaristen erleben den Weltkrieg 1914 - 1918: eine Dokumentation erstellt auf Grundlage der Sammlung des Direktors des Oldenburgischen Lehrerseminars Dr. Emil Künoldt (1850 - 1920). Oldenburg, 2002; Bechmann D., Mestrup H.

своему характеру, они, тем не менее, содержат немало необходимой информации о фронтовом опыте, позволяя проводить определенные параллели и сравнения с открыточными посланиями.

Наряду с письмами привлекались дневники и мемуары самого разного происхождения – солдатские и офицерские[33], политиков и деятелей культуры[34], а также путевые записки различных лиц, посетивших фронт[35]. Наконец, весьма важными как раз с точки зрения взаимосвязи с открытками оказались публикации такого специфического жанра личных свидетельств, как солдатские надписи мелом на вагонах их эшелонов, о которых сообщали газеты и специально посвященные этой практике брошюры[36].

(Hg.) «Wann wird das Morden ein Ende nehmen?». Feldpostbriefe und Tagebucheinträge zum Ersten Weltkrieg. Quellen zur Geschichte Thüringens. Erfurt, 2008.

[33] Storch K. Vom feldgrauen Buchhändler. Stimmungsbilder, Briefe und Karten. Magdeburg, 1915; Dehmel R. Zwischen Volk und Menschheit. Kriegstagebuch. Berlin, 1919; Дневник Штукатурова // Военно-исторический сборник. Вып. 1. М., 1919. С. 133-170; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 2002; Гумилев Н.С. Записки кавалериста. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2005; Wisthaler S. Karl Außenhofer – Das Kriegstagebuch eines Soldaten im Ersten Weltkrieg. Innsbruck, 2011; Aufzeichnungen und Fotografien des Gefreiten der Landwehr Franz Vogt. URL: http://franzvogt.eu/die-familie-vogt/

[34] Engel E. 1914. Ein Tagebuch. Berlin, Braunschweig, Hamburg, 1915-1917. Bd. 1-5; Eisner K. Gesammelten Schriften. Berlin, 1919. Bd. 1; Moltke H. v. Generaloberst Helmuth von Moltke. Erinnerungen – Briefe – Dokumente 1877-1916. Stuttgart, 1922; Эрцбергер М. Германия и Антанта. Воспоминания бывшего германского министра финансов. М., 1923; Hoffmann M. Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann. Berlin, 1929; Bülow B. Denkwürdigkeiten Bd. I-III. Berlin, 1930-1931; Storrs R. The Memoirs of Sir Ronald Storrs. N. Y., 1937; Hitler A. Mein Kampf. München, 1943; Müller G.A. v. Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts Admiral Georg Alexander von Müller 1914 – 1918. Göttingen, Berlin, Frankfurt/M., 1959; Retzlaw K. Spartacus – Aufstieg und Niedergang. Erinnerungen eines Parteiarbeiters. Frankfurt/M., 1971; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991; Тирпиц А. Воспоминания. М., 2014; Wolff Th. Der Krieg des Pontius Pilatus URL: http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-krieg-des-pontius-pilatus-7779/15; Tagebuch Willy Spatz. URL: https://archivewk1.hypotheses.org/6130

[35] Binder H. Mit dem Hauptquartier nach Westen. Aufzeichnungen eines Kriegsberichterstatters. Stuttgart, Berlin, 1915; Sierke E. In Feindesland. Eine Studienfahrt nach dem westlichen Kriegsschauplatz. Braunschweig, 1915; Grautoff F. Eine Fahrt an die Westfront. Leipzig, 1915; Ludwig Ganghofer – Reise zur deutschen Front 1915. URL: http://www.kuehnle-online.de/literatur/ganghofer/dfront1915/08.htm; Wülfing E. A. Bei Badischen Truppen an der Westfront mit einem Liebesgaben-Transport. Aufzeichnungen von E. A. Wülfing. Heidelberg, 1916; Hartmann F. Ob-Ost friedliche Kriegsfahrt eines Zeitungsmannes. Hannover, 1917; Bjørnson B. Vom deutschen Wesen: Impressionen eines Stammverwandten 1914-1917. Berlin, 1917.

[36] Ahnert K. Fröhliche Heerfahrt! 600 lustige Aufschriften an Eisenbahnwagen. Nürnberg, 1917.

К числу использованных в диссертации *опубликованных официальных документов* относятся в первую очередь распоряжения касательно цензуры. Здесь особенно выделяется «Справочник для цензуры прессы», изданный в 1917 г. на основе ряда предшествовавших документов подобного толка[37]. Известный немецкий исследователь прессы и цензуры времен войны В.Дайст опубликовал 2-томную подборку на этот счет, куда вошло около 500 документов из 14 немецких архивов[38]. Некоторые касающиеся открыток распоряжения, например, регулировавшие их вывоз, обнародовались в официальном правительственном печатном органе[39].

В целом, многообразие источниковой базы позволило изучить различные стороны феномена открытки как источника – изобразительные послания, их публичную и частную рецепцию, личный мир пишущего.

Степень изученности проблемы. Комплексность открытки как социокультурного феномена и исторического источника, а также характер поставленных задач предопределили широту и многообразие использованной литературы, которую можно подразделить на несколько групп.

Поскольку в качестве исторического источника открытка начала привлекаться совсем недавно, она еще не стала в должной степени объектом научной систематизации и категоризации, и одной из самых первых задач является определение ее места в системе источниковедческого знания. С этой целью привлечен значительный корпус *источниковедческой литературы*, подробно рассмотренный в первой главе диссертации.

Важное значение с точки зрения поставленной в диссертации проблематики имеют *исследования фронтовой повседневности и опыта комбатантов*[40]. Внимание к частному случаю, к субъективному жизненному

---

[37] Nachschlagebuch für die Pressezensur. Herausgegeben von der Oberzensurstelle des Kriegspresseamts. Dritte Auflage. Berlin, I917.
[38] Deist W. Militär und Innenpolitik im Weltkrieg 1914-1918. Bd. 1-2. Düsseldorf, 1970.
[39] Deutscher Reichsanzeiger. 1914-1918.
[40] Ulrich B., Ziemann B. Das soldatische Kriegserlebnis // Kruse W. (Hg.) Eine Welt von Feinden. Der Große Krieg 1914-1918. Frankfurt/M., 1997. К субъективному измерению

опыту придало новую ценность тем видам источников, которые длительное время считались скорее второстепенными, но теперь ценятся за более непосредственный доступ к миру «простого человека» времен войны – фронтовым газетам, дневникам и, конечно, *германской полевой почте*. Если ранее особая ценность полевой почты виделась в том, что письма будто бы являлись «нефильтрованным» откликом фронтовика на пережитое, то сейчас, напротив, акцент делается на содержащихся в них конструкциях собственной идентичности и заимствованиях из существовавшего военного дискурса, письменных конвенций, традиционных культурных моделей[41]. Специфика полевой почты как исторического источника является также объектом специальной источниковедческой рефлексии[42].

Литература, непосредственно посвященная открыткам, распадается как на определенные этапы, так и, что важнее, на жанры. Хронологически и количественно первенство, безусловно, принадлежит филокартистским изданиям. Как правило, это вводные тексты к публикациям открыток из частных коллекций без собственно научной постановки вопроса или анализа источника. К их числу относятся работы, посвященные открыточным «приветам из окопов» Первой мировой войны[43].

мировых войн в эти же годы обратились и отечественные историки. См.: Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995.

[41] Ulrich B. Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914-1933. Essen, 1997; Reimann A. Der große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000; Hämmerle Ch. «You let a weeping woman call you home? ». Private Correspondences during the First World War in Austria and Germany // Earle R. (ed.) Epistolary Selves: Letters and letter-writers, 1600 – 1945. Aldershot, 1999. P. 152-182; Kipp M. Großreinemachen im Osten. Feindbilder in deutschen Feldpostbriefen im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt/M., 2014.

[42] Killian K.A. Das Medium Feldpost als Gegenstand interdisziplinärer Forschung. Archivlage, Forschungsstand und Aufbereitung der Quelle aus dem Zweiten Weltkrieg. Berlin, 2001; Scherstjanoi E. Als Quelle nicht überfordern! Zu Besonderheiten und Grenzen der wissenschaftlichen Nutzung von Feldpostbriefen in der (Zeit-)Geschichte // Didczuneit V., Ebert J., Jander T. (Hg.) Schreiben im Krieg – Schreiben vom Krieg. Feldpost im Zeitalter der Weltkriege. Essen, 2011. S. 117-125; Humburg M. «Jedes Wort ist falsch und wahr – das ist das Wesen des Worts». Vom Schreiben und Schweigen in der Feldpost // Ibid. S. 75-85.

[43] Holt T., Holt V. Till the Boys Come Home. The Picture Postcards of the First World War. London, 1977; Binder G. Mit Glanz und Gloria in die Niederlage. Der Erste Weltkrieg in alten Ansichtskarten. Stuttgart, 1983; Laffin J. World War I in Postcards. Sparkford, 2001; Roberts A. Postcards from the Trenches: Images from the First World War. Oxford, 2008; Doyle P. British

Первые попытки обращения историков к открыткам как источнику пришлись на 80-е гг. прошлого века, однако ограничивались лишь немногими отдельными статьями. Английский историк искусства Дж.Фрейзер в небольшой обзорной статье одним из первых подчеркнул потенциал почтовых карточек как средства пропаганды[44]. Уже в 80-е гг. заявила о себе французская исследовательница открытки М.-М.Юсс с магистральной для нее темой семьи и гендерных отношений[45]. В 90-е гг. продолжилось открытие историками почтовых карточек как «бесценного визуального источника»[46]. Фактически первой серьезной монографией стала диссертация О.Мая, посвященная роли открытки как «зеркала менталитета» кайзеровской Германии[47]. С началом нового тысячелетия исследования об открытках начали появляться чаще, что, несомненно, было связано с поворотом социальных наук к визуальности. Вышли публикации, посвященные антисемитизму[48], социокультурным аспектам бытования открытки[49], колониальной проблематике[50].

Postcards of the First World War. Oxford, 2010; Morin C. La Grande Guerre des images. La propagande par la carte postale, 1914-1918. L'Apart edition, 2012; Broulant P., Doizy G. La Grande guerre des cartes postales. P., 2013.

[44] Fraser J. Propaganda in the Picture Postcard // Oxford Art Journal. Vol. 3. № 2 (Oct. 1980). P. 39-54.

[45] Huss M-M. Pronatalism and the Popular Ideology of the Child in Wartime France: The Evidence of the Picture Postcard // Wall R., Winter J. (ed.) The Upheaval of War. Family, Work and Welfare in Europe, 1914-1918. Cambridge, 1988. P. 329-368.

[46] Таково программное название сборника статей американских историков на эту тему, в ряду которых выделяется статья Э.Даниельсон, одной из первых поставившей проблему значения открытки в полевой почте Первой мировой войны. - Danielson E.S. «Patriotic and Profitable»: The World War I Postcards in the Hoover Institution Archives // Postcards in the library: invaluable visual resources. N.Y., 1995. P. 95-108.

[47] May O. Deutsch sein heisst treu sein. Ansichtskarten als Spiegel von Mentalität und Untertanenerziehung in der wilhelminischen Ära 1888- 1918. Hildesheim, 1998.

[48] Gold H., Heuberger G. (Hg.) Abgestempelt: judenfeindliche Postkarten: auf der Grundlage der Sammlung Wolfgang Haney: eine Publikation der Museumsstiftung Post und Telekommunikation und des Jüdischen Museums Frankfurt am Main. Heidelberg, 1999.

[49] Ripert A., Frère C. La carte postale, son histoire, sa fonction sociale. P., 2001; Walter K. Die Ansichtskarte als visuelles Massenmedium // Kaschuba W., Maase K. (Hg.) Schund und Schönheit. Populäre Kultur um 1900. Köln, 2001. S. 46-61.

[50] Carlson J.D. Postcards and Propaganda: Cartographic Postcards as Soft News Images of the Russo-Japanese War // Political Communication. 2009. V. 26/2. P. 212-237; Axster F. Koloniales Spektakel in 9 x 14. Bildpostkarten im Deutschen Kaiserreich. Bielefeld, 2014.

Открытка во все большей степени становится объектом изучения со стороны других научных дисциплин, в частности, с позиций коммуникационной лингвистики.[51]. Особенно обращает на себя внимание монография А.Хольцхайд, имеющая своим предметом текстологическое изучение языка открыточной коммуникации. Иными словами, речь идет о том редком случае, когда в центре внимания оказывается не столько изображение открытки, сколько ее текст[52].

В фокус научного интереса немецкие открытки непосредственно периода Первой мировой войны попали с середины 90-х гг. В небольшой, но содержательной статье С.Меткен прослеживались основная тематика открыточных изображений и их эволюция в годы войны[53]. В последние полтора десятка лет появилось достаточно много работ, посвященных отдельным темам и мотивам на открытках Первой мировой войны – символическим и обыденным трактовкам изображений женщины, семьи, гендерных отношений[54], религиозным образам, фигуре солдата[55], оккупационным мотивам[56], различным типам открыток[57] и художникам -

---

[51] Diekmannshenke H. Polit-Postkarten: Propaganda, Wahlwerbung, politische Kommunikation // Strategien politischer Kommunikation: pragmatische Analysen. Berlin, 2006. S. 97-120.

[52] Holzheid A. Das Medium Postkarte. Eine sprachwissenschaftliche und mediengeschichtliche Studie. Berlin, 2011.

[53] Metken S. «Ich hab' diese Karte im Schützengraben geschrieben . . .» // Rother R. (Hg.) Die letzten Tage der Menschheit: Bilder des Ersten Weltkrieges. Berlin, 1994. S. 137-148.

[54] Huss M.-M. Histoires de famille: cartes postales et culture de guerre. P., 2000; Jaworski R. Mütter – Liebchen – Heroinen. Propagandapostkarten aus dem Ersten Weltkrieg. Köln, Weimar, Wien, 2015.

[55] Schwarzmaier H. Heldenpathos und anonymer Tod: Kriegsalltag 1914 - 1914 im Spiegel von Bildpostkarten; zugleich ein Überlieferungsproblem // Oldenhage K. (Hg.) Archiv und Geschichte. Festschrift für Friedrich R. Kahlenberg. Düsseldorf, 2000. S. 560-594; Eckart W.U. Die Wunden heilen sehr schön. Feldpostkarten aus dem Lazarett 1914–1918. Stuttgart, 2013.

[56] Tomenendal K. Das Türkenbild in Österreich-Ungarn während des Ersten Weltkriegs im Spiegel der Kriegspostkarten. Klagenfurt etc., 2008; Meyer-Pajou M. La Belgique en cartes postales dans les archives militaires françaises // Rochet B., Tixhon A. (ed.) La Petite Belgique dans la Grande Guerre: Une icône, des images. Namur, 2012. P. 129-151; Opsommer R. Kriegsimpressionen aus Westflandern. Feldpostkarten des Ersten Weltkriegs als alltagsgeschichtliche Quellen // Didczuneit V., Ebert J., Jander T. (Hg.) Op. cit. S. 333-350.

[57] Tomczyszyn P. A material link between war and peace. First World War silk postcards // Saunders N.J. (ed.) Matters of conflict: material culture, memory and the First World War. London, 2004. P. 123-133.

участникам войны[58]. Значительное место уделила открыткам М.Кессель в своих работах, посвященных социокультурным функциям «немецкого юмора» в годы войны, привлекая в том числе архивный материал, что в исследованиях открыток происходит крайне редко[59]. Особое внимание историков по-прежнему обращает на себя пропаганда[60], подход к изучению которой становится более дифференцированным. Так, например, новым полем исследования оказались открытки с текстами песен, пропагандистский эффект которых был особенно велик из-за их узнаваемости и задействования эмоций[61]. В работах немецкого историка Р.Яворски делаются некоторые попытки сравнительного анализа изобразительных мотивов на открытках разных стран[62].

По сей день наиболее значительным исследованием немецких открыток Первой мировой войны остается книга К.Брокс «Пестрый мир войны. Иллюстрированные открытки Первой мировой войны 1914-1918»[63], которой удалось создать обширную панораму многих изобразительных мотивов на немецких открытках Первой мировой войны. Вместе с тем, как и

---

[58] Guenther I. Postcards from the Trenches: A German Soldier's Testimony of the Great War. London, 2018.

[59] Kessel M. Gewalt schreiben. «Deutscher Humor» in den Weltkriegen // Hardtwig W. (Hg.) Ordnungen in der Krise: zur politischen Kulturgeschichte Deutschlands 1900-1933. München, 2007. S. 229-258; Idem. Talking War, Debating Unity: Order, Conflict and Exclusion in «German Humor» in the First World War // Kessel M., Merziger P. (ed.) The Politics of Humour: Laughter, Inclusion, and Exclusion in the Twentieth century. University of Toronto Press, 2012. P. 82-107.

[60] Fischer P. Die propagandistische Funktion von Bildpostkarten im Ersten Weltkrieg. Motivanalytischen Überlegungen // Der Erste Weltkrieg als Kommunikationsereignis. Gießen, 1993. S. 63-75; Flemming Th. Zwischen Propaganda und Dokumentation des Schreckens. Feldpostkarten im Ersten Weltkrieg // Faustich W., Karmasin M. (Hg.) Krieg – Medien – Kultur. Neue Forschungsansätze. München, 2007. S. 67-87; Dohle O. Inszenierte Verharmlosung und patriotische Parolen. Propagandapostkarten – das veroffentlichte Bild vom Krieg // Dohle O., Mitterecker Th. J. (Hg.) Salzburg im Ersten Weltkrieg: Fernab der Front – dennoch im Krieg. Wien, Köln, Weimar, 2014. S. 413-437.

[61] Giesbrecht S. Deutsche Liederpostkarten als Propagandamedium im Ersten Weltkrieg // Lied und populäre Kultur / Song and Popular Culture. 50/51. Jg. 2005/2006. S. 55-98; Idem. Musik und Propaganda. Der Erste Weltkrieg im Spiegel deutscher Bildpostkarten. Osnabrück, 2014.

[62] Jaworski R. Op. cit; Idem. Zur internationalisierung politischer Bilderwelten im Ersten Weltkrieg – am Beispiel russischer Plakate und Propagandapostkarten // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 2012. № 7/8. S. 465-477.

[63] Brocks Ch. Die bunte Welt des Krieges. Bildpostkarten aus dem Ersten Weltkrieg 1914 – 1918. Essen, 2008.

большинство остальных авторов, она не рассматривает открытку в качестве комплексного феномена, оставляя в стороне ее коммуникационные функции, а также место в публичном и частном пространстве.

Новейшая диссертация М.Юнг-Дистельмайер посвящена изучению образа Англии и, в связи с этим, немецкого национального «мы» на протяжении двух десятков лет так называемого «золотого века» открытки в Германии[64]. Одним из главных достоинств работы является четкое прослеживание моментов континуитета в немецком образе Англии между довоенными репрезентациями и периодом войны, причем как содержательных, так и иконографических. Вместе с тем, опора исключительно на карикатурные открытки ведет к некоторой односторонности трактовок этого образа.

Принципиальной методической проблемой большинства посвященных непосредственно открытке работ является отсутствие комплексного подхода к этому феномену: как правило, основное внимание уделяется «открытке-картинке», реже «открытке-письму», в то время как ее бытование, производство, повседневные практики остаются за кадром; чаще всего полностью игнорируется сама ее специфика как средства коммуникации.

В отечественной литературе первой диссертацией на тему открыток стала работа А.Е.Родионовой, анализировавшей их как феномен художественной культуры[65]. Открытки были объектом исследования М.В.Нащокиной, диссертации и многочисленных статей Н.А.Мозохиной, также написанных из перспективы истории искусства[66]. За последние полтора десятка лет открытка неоднократно попадала в фокус интереса диссертантов по

---

[64] Jung-Diestelmeier M. Op. cit.

[65] Родионова А.Е. Открытка как феномен художественной культуры (на материале русской открытки конца XIX – начала XX вв.). Автореф. дис. … уч. степ. канд. филос. наук. М., 1995.

[66] Нащокина М. В. Художественная открытка русского модерна. М., 2004; Мозохина Н.А. Открытки Общины св. Евгении как художественный проект мастеров объединения «Мир искусства». Проблемы истории и художественной практики. Автореф. дисс. …уч. степ. канд. иск-я. М., 2009.

историческим и близким к ним специальностям[67]. В целом все эти исследования весьма далеки от предлагаемого в диссертации комплексного понимания открытки в качестве исторического источника как в методическом отношении, так и тематически.

С содержательной точки зрения огромный пласт открыток содержал трактовки войны, апеллировавшие к национальному – историческим мифам, аллегориям, символическим фигурам. Соответственно, весьма значительный корпус использованной в диссертации литературы приходится *на работы по немецкой национальной идее и национализму*. Кроме того, привлекалась литература о разного рода символах и мифах, отдельных эпизодах прошлого, которые инструментализировались в пропагандистских целях[68].

Особое значение для проблематики работы имеют исследования, которые трактуют *репрезентации солдата и проблему героического*[69]. Однако касательно иконографии солдата историки останавливаются в первую очередь не столько на типичных, массовых образах, которые главным

---

[67] В этом смысле первопроходцем стала А.Н.Ларина, в своей диссертации и многочисленных статьях впервые обратившаяся к открытке как к специфическому историческому источнику. См.: Ларина А.Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы. Автореф. дис. …уч. степ. канд. ист. наук. М., 2004. См. также: Развозжаева Е. В. Источники по истории поездок российских подданных во Францию: 1885-1914 гг. Дис. …уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 2009; Самбур М.В. Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование. Дисс. …уч. степ. канд. ист. наук. М., 2014; Чорбачиди С.А. История отечественной благотворительной открытки (1898-1917). Дисс. …уч. степ. канд. ист. наук. М., 2015; Молчанова Д.С. Отечественный военный лубок и открытка (на примере периода русско-японской войны 1904-1905 гг). Дисс. …уч. степ. канд. ист. наук. М., 2016.

[68] Wülfing W., Bruns K. Historische Mythologie der Deutschen München, 1991; Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Hermannmythos: zur Entstehung des Nationalbewußtseins der Deutschen. Reinbek bei Hamburg, 1996; Alings R. Monument und Nation: Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal; zum Verhaltnis von Nation und Staat im deutschen Kaiserreich 1871-1918. Berlin, N.Y., 1996; Schilling J. «Distanz halten». Das Hamburger Bismarckdenkmal und die Monumentalität der Moderne. Göttingen, 2006; Winkle R. Der Dank des Vaterlandes. Eine Symbolgeschichte des Eisernen Kreuzes 1914 bis 1936. Essen, 2007.

[69] См.: Schilling R. «Kriegshelden». Deutungsmuster heroischer Männlichkeit in Deutschland 1813-1945. Padeborn, 2002; Münkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. 2007. 61. H. 8/9. S. 742-752; Voss D. Heldenkonstruktionen. Zur modernen Entwicklungstypologie des Heroischen // KulturPoetik/Journal for Cultural Poetics. 2011. № 11. S. 181-202.

образом характеризовали, в частности, открыточные репрезентации, сколько на известных «иконах» войны, а также на символических изображениях[70].

В силу бытования открытки как в частной, так и в публичной сферах важное значение для диссертации имели работы, посвященные *анализу менталитета и общественных настроений* в Германии в предшествующее войне время и особенно в годы войны[71]. Значительное количество работ уделяет внимание также различным аспектам связанных между собой комплексов «идей 1914 г.» и «войны культур»[72].

В блоке литературы *по идейной борьбе и пропаганде* задействовались как обобщающие и теоретические труды[73], так и конкретно-исторические исследования, затрагивавшие, в частности, цензуру печатных изданий[74], организацию пропаганды и ее различные медиумы[75], основные

---

[70] Vorsteher D. Bilder für den Sieg: Das Plakat im Ersten Welthrieg // Rother R. (Hg.) Op. cit. S. 149-162; Beurier J. Death and material culture: the case of pictures during the First World War // Saunders N.J. (ed.) Op. cit. P. 109-122; Kazecki J., Lieblang J. Regression versus Progression: Fundamental Differences in German and American Posters of the First World War // James P. (ed.) Picture this. World War I posters and visual culture. University of Nebraska Press, 2009. P. 111-141; Goebel S. The Great War and Medieval Memory. War, Remembrance and Medievalism in Britain and Germany, 1914-1940. N. Y., 2007.

[71] Raithel Th. Das «Wunder» der inneren Einheit: Studien zur deutschen und französischen Öffentlichkeit bei Beginn des Ersten Weltkrieges. Bonn, 1996; Verhey J. Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg, 2000; Bruendel S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat: die «Ideen von 1914» und die Neuordnung Deutschlands im Ersten Weltkrieg. Berlin, 2003.

[72] Ungern-Sternberg J, Ungern-Sternberg W. Der Aufruf «An die Kulturwelt!». Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996; Hoeres P. Krieg der Philosophen: die deutsche und britische Philosophie im Ersten Weltkrieg. Padeborn, 2004; Bridgham F. Introduction // Bridgham F. (ed.) The First World War as a Clash of Cultures. N.Y., 2006. P. 1-40.

[73] Bussemer Th. Propaganda: Konzepte und Theorien. Wiesbaden, 2005; Welch D. Germany, Propaganda and Total War, 1914-1918: The Sins of Omission. New Brunswick, New Jersey, 2000.

[74] Koszyk K. Deutsche Pressepolitik im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968; Deist W. Zensur und Propaganda in Deutschland während des Ersten Weltkrieges // Deist W. Militär, Staat und Gesellschaft. München, 1991. S. 153-163; Demm E. Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History. London, 2019.

[75] Killian J. Propaganda für die deutschen Kriegsanleihen im Ersten Weltkrieg // Wilke J. (Hg.) Massenmedien und Spendenkampagnen. Von 17. Jahrhundert bis in die Gegenwart. Köln, Weimar, Wien, 2008 S. 73-160; Bruendel S. Vor-Bilder des Durchhaltens. Die deutsche Kriegsanleihe-Werbung 1917/18 // Bauerkämper A., Julie E. (Hg.) Durchhalten! Kriegskulturen und Handlungspraktiken im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2010. S. 81-108; Schneider G. Barbaren, Boches, Hunnen - Text- und Bildpropaganda während des Ersten Weltkrieges //

содержательные установки, например, чрезвычайно резонансную тему так называемых «германских зверств»[76]. Ряд работ уделяет внимание отдельным направлениям и адресатам пропаганды. Особенно стоит выделить монографию А.Липп, на материале фронтовой прессы ставящую отчасти схожие с проблематикой настоящей диссертации вопросы о соотношении опыта комбатантов и предлагавшихся публичных трактовок войны и приходящую к выводам о зависимости первого от второго[77]. Помимо трудов о внутренней пропаганде были привлечены работы о немецкой пропаганде за рубежом[78], поскольку в ней также использовались открытки.

Значительное количество исследований посвящено *типам изображения и их анализу*[79]. Работы по иконографии, иконологии, метафоре, гендеру способствовали пониманию художественных конвенций и традиций и в ряде случаев вели к более точному декодированию изобразительных посланий на открытках[80]. Одним из самых распространенных открыточных жанров

Handro S., Schönemann B. (Hg.) Visualität und Geschichte. Berlin, 2011. S. 135-195; Schmidt A. Belehrung, Propaganda, Vertrauensarbeit: zum Wandel amtlicher Kommunikationspolitik in Deutschland 1914-1918. Essen, 2006.

[76] Horne J., Kramer A. German Atrocities 1914: A History of Denial. New Haven, L., 2001.

[77] Lipp A. Meinungslenkung im Krieg: Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung, 1914–1918. Göttingen, 2003.

[78] Farah I. Die deutsche Pressepolitik und Propagandatätigkeit im Osmanischen Reich von 1908 - 1918 unter besonderer Berücksichtigung des «Osmanischen Lloyd». Beirut, 1993; Kestler S. Die deutsche Auslandsaufklärung und das Bild der Ententmächte im Spiegel zeitgenössischer Propagandaveröffentlichungen während des Ersten Weltkrieges. Frankfurt/M., 1994; Albes J. Worte wie Waffen. Die Deutsche Propaganda in Spanien. Essen, 1996; Eversdijk N. Kultur als politisches Werbemittel. Ein Beitrag zur deutschen kultur- und pressepolitischen Arbeit in den Niederlanden während des Ersten Weltkrieges. Münster, 2010.

[79] Zeller U. Die Frühzeit des politischen Bildplakats in Deutschland (1848-1918). Stuttgart,1988; Stiegler B. Bilder der Photographie. Frankfurt/ M., 2006; Holzer A. Das Lächeln der Henker. Der unbekannte Krieg gegen die Zivilbevölkerung 1914-1918. Darmstadt, 2008; Jäger J. Op. cit; Смордина В. Реальность Первой мировой в документальной фотографии // Первая мировая: Война и миф. Б.м., 2014. С. 177-192; Klamm S. Retusche, Zensur und Manipulation – Gedruckte Fotografie im Ersten Weltkrieg // Ziehe I., Hägele U. (Hg.). Gedruckte Fotografie. Abbildung, Objekt und mediales Format. Münster, 2015. S. 45-55.

[80] Holsten S. Allegorische Darstellungen des Krieges 1870-1918. Ikonologische und ideologiekritische Studien. München, 1976; Baker S. Picturing the Beast. Animals, Identity, and Representation. Manchester, 1993; Warner M. Monuments and Maidens. The Allegory of the Female Form. N.Y., 1996.

являлась карикатура, поэтому изучающие ее работы представляли значительную ценность для диссертации[81].

В целом, приведенная литература, несмотря на ее обширность, носит по большей части косвенный характер по отношению к исследуемой проблематике, что лишний раз доказывает необходимость обращения к последней.

Новизна диссертационной работы заключается в том, что она является первым в отечественной и зарубежной науке комплексным и всесторонним исследованием открыток Первой мировой войны, включающим в себя анализ различных содержательных и функциональных сторон этого феномена, связанных с ним социальных практик, его роли и места в публичной и частной сферах и многих иных аспектов бытования открытки в немецкой «культуре войны».

Предложенное в диссертации выделение «массовых печатных изобразительных источников» в качестве отдельного вида исторического источника служит не только развитию существующих систем классификации и систематизации, но и представляет собой отклик на несомненно присутствующую потребность в расширении аналитического инструментария в отношении источников изобразительного характера.

В диссертации открытки впервые используются в качестве источника изучения фронтового военного опыта, исследуется взаимосвязь между определенными объяснительными моделями, предложенными в изобразительных посланиях, с одной стороны, и военной повседневностью и личным миром немецкого фронтовика, с другой. Новым является и примененное в этой связи сочетание сериально-иконографического метода в

---

[81] Demm E. Der Erste Weltkrieg in der internationalen Karikatur. Hannover, 1988; Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft. Eine ikonologische Untersuchung zu Feinbildern in Karikaturen. Diss. Aachen, 1998; Rebentisch J. Die vielen Gesichter des Kaisers. Wilhelm II. in der deutschen und britischen Karikatur (1888-1918). Berlin, 2000; Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех - дело серьезное. М., 2010; Голиков А.Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX - начало XX вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 4. С. 51-71.

изучении изображений и количественных методов при анализе текстов личных посланий, которые позволили выйти за пределы единичных иллюстративных цитирований и трактовок, зафиксировать повторяемость и типичность отдельных тезисов и смыслов, тем самым увеличивая информационную ценность источника и создавая основу для выявления закономерностей и осуществления обобщений.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается, с одной стороны, в том, что оно показывает специфику и информационный потенциал почтовых открыток как того источника, который до сих пор использовался односторонним образом и в целом мало изучался, тем самым облегчая работу над ним будущим исследователям. В более широкой перспективе оно представляет собой заметный шаг в изучении изобразительных источников, в частности, их категоризации и классификации.

Как использованный в диссертации конкретно-исторический материал, так и ее выводы могут быть применены при написании трудов по истории Первой мировой войны, в общих работах по источниковедению, исторической антропологии и визуальной истории, создании учебников, преподавании общих и специальных курсов, ведении семинарских занятий.

Положения, выносимые на защиту.

1. Появившись в качестве ответа на глубокие социальные сдвиги, которые испытывало развивавшееся индустриальное общество на рубеже XIX-XX вв. (урбанизацию, миграции, рост социального отчуждения и многие другие), и выполняя многообразные социальные функции – коммуникационные, информационные, репрезентативные, образовательные, идеологически-пропагандистские, коммерческие – открытки могут служить историческим источником для изучения этих и других сторон общественной жизни. Ценность открытки как исторического источника заключается в ее уникальном положении на

грани публичной и частной сфер, а именно в личном характере потребления публично предлагавшихся образов.

2. В силу комплексности открытки как исторического источника применяемый к ней аналитический инструментарий должен в первую очередь определяться поставленными исследовательскими задачами. Изучение открыток в качестве преимущественно визуальных медиумов сталкивается со слабой разработанностью как общей классификации изобразительных источников, так и места в ней открытки. Для сокращения подобных исследовательских дефицитов и в целях реализации присущей классификациям эпистемологической функции предлагается внутри типа изобразительных источников различать вид массовых печатных визуальных источников. Выступая как одна из разновидностей этой категории, открытки на более частных ступенях классификации и систематизации должны подразделяться по критериям жанра, мотива и сюжета. Вместе с тем, более предпочтительным представляется понимание открытки как интегрального целого иллюстративной и эпистолярной частей, основной аналитической категорией в отношении которого является понятие «открыточного коммуниката»; для открыток, в той или иной форме имплицирующих собственное «я» отправителя, применимо также понятие эго-документа.
3. На основании проведенного анализа было впервые выявлено преобладающее место открыток в структуре германской полевой почты времен Первой мировой войны. Именно открытки играли ключевую роль в поддержании главной и необходимой связи – между фронтом и тылом и тем самым способствовали сохранению единства общества, что выступало важнейшей задачей внутренней политики Германской империи в условиях войны. Многочисленные второстепенные функции и практики, связанные с открыткой, демонстрируют ее адаптивность и высокую степень включенности в немецкую «культуру войны».

4. Эволюция содержания изобразительных посланий на открытках показывает, что, несмотря на сложные экономические обстоятельства и цензурные ограничения, издатели всеми силами старались ответить на существовавшие в обществе запросы, и, соответственно, открытки могут служить источником по изучению немецкой «культуры войны», выражая общественные настроения, менталитеты, объяснительные модели. Особенно следует выделить роль открыток в фиксации, распространении и мемориализации фронтового опыта, которая вытекает из присущего им сочетания изображения, текста и медиальности.
5. Широкая представленность на открытках разнообразных идентификационных фигур объясняется острой потребностью во внутренней интеграции германского общества в годы войны. Функционально каждая из этих фигур выражала определенные стороны и смыслы немецкого национального «я»; вместе с тем, отдельные символы не только дополняли друг друга, но нередко и конкурировали между собой. В ходе войны наблюдалось постепенное отступление разного рода национальных аллегорий в пользу фигуры фельдмаршала Гинденбурга, выступавшего полем для проекции различных отвлеченных трактовок войны, с одной стороны, и образа типичного солдата, дававшего возможность легкой идентификации себя с ним – с другой.
6. Конструкциям образов «врага» и «друга» в немецких открытках Первой мировой войны структурно были присущи три общие черты. В обоих случаях эти образы рождались в результате синтеза имевшегося социального знания, конкретизированного в специфических дискурсах, и нового военного опыта, а также порожденных войной политических и идеологических потребностей. Облик и «друзей», и «врагов» не был статичным и в значительной степени являлся результатом перманентного встречного процесса идентификации Другого и

собственного национального «я». Главным тезисом в трактовках войны посредством открыток выступала «защита культуры», и различные модели изображения каждого конкретного врага Германии давали этому тезису специфическое обоснование. Вместе с тем, тот же тезис не вполне срабатывал для идеологического обоснования «образа друга», союзных отношений столь культурно различавшихся стран, связь которых преимущественно репрезентировалась лишь как политически целесообразная, но одновременно как иерархическая и неравноправная.

Степень достоверности результатов исследования определяется их контролируемостью и перепроверяемостью, широтой источниковой и историографической базы, строгостью использованной аргументации, а также осуществлявшейся на протяжении многих лет ***апробацией основных положений диссертации.*** Они были изложены автором в 32 публикациях общим объемом 48,3 п.л., среди которых монография (11 п.л.), 17 статей в журналах, индексируемых ведущими системами цитирования (10 - в Web of Science, 2 – в Scopus и 5 в RSCI), а также 5 публикаций в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.09 «историография, источниковедение и методы исторического исследования». Положения работы были представлены автором в докладах на российских и международных конференциях, коллоквиумах и круглых столах: на международной научно-практической конференции «Образ России в мировом пространстве: история и современность» (Москва, 2008), круглом столе «Дискуссионные проблемы стран Европы и Америки» (Москва, 2013), международной конференции «Дискуссионные проблемы истории Германии в подходах российских и немецких историков» (Ярославль, 2013), международном коллоквиуме «Россия – Франция: от альянса к сотрудничеству» (Ярославль, 2014), международной научно-практической конференции «Первая мировая война в документах и книжных фондах. Проблемы изучения, описания и

публикации» (Москва, 2014), международной конференции «Великая война и начало нового мира: актуальная повестка для человечества» (Белград, Сербия, 2014), международной конференции «Первая мировая война – пролог XX века» (Москва, 2014), международной конференции «Прусско-немецко-российские отношения в эпоху Отто фон Бисмарка» (Санкт-Петербург, 2015), всероссийской конференции «Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки» (Москва, 2019), Ломоносовских чтениях (Москва, 2019), Всероссийском фестивале науки Nauka 0 + (Москва, 2019), германо-российской конференции «Der Mensch in Gemeinschaft und Gesellschaft» – Bürger und Gemeinwesen: Individualität und Sozialität im deutschen und russischen Denken» (Мюнхен, Германия, 2019), международной конференции «Les conséquences politiques, économiques et sociales de la Grande Guerre (1919-1923)» (Ла Рош-сюр-Йон, Франция, 2019).

Структура работы. Диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу. Она состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, библиографического списка, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** характеризуются актуальность и научная значимость исследования, его источниковая база и степень изученности проблемы, определяются его объект, предмет, цели и задачи, хронологические рамки, методологическая основа, оцениваются его научная новизна, теоретическая и практическая ценность, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации работы.

Глава 1 («Место открытки в системе источниковедческого знания») состоит из четырех параграфов и содержит информацию, необходимую для понимания специфики почтовой открытки как исторического источника. *В первом параграфе* рассматриваются исторические и социальные предпосылки, обусловившие появление нового коммуникационного медиума, причины его популярности; исследуются присущие открытке

социальные функции и практики, объясняется лидирующая роль Германии в производстве и потреблении открыток, которая делает ее наиболее предпочтительным объектом для изучения последних в качестве исторического источника.

В силу значительных дефицитов в понимании и определении места изобразительных источников – и непосредственно открытки – *во втором параграфе* подробно рассматриваются существующие модели классификации исторических источников, и предлагается новый вариант типо-видовой фиксации открытки в этом качестве; анализируется ее внутривидовая специфика. Изучаются особенности открытки как эпистолярного документа, делается вывод о применимости к ней понятия «эго-документ» в качестве обобщающего термина.

В третьем и четвертом параграфах рассматриваются структура элементов открытки, процедуры ее источниковедческого исследования, ставятся вопросы аутентичности источника, его общественной и индивидуальной рецепции. Поднимается принципиально важная проблема роли открытки в качестве «барометра общественных настроений», вытекающей из ее сути коммерческого продукта массового потребления. Подчеркивается ценность открытки как комплексного источника, бытовавшего на грани публичной и частной сфер и характеризовавшегося пересечением визуальных и нарративных дискурсов.

Глава 2 («Открытка на войне: производство, полевая почта, бытование») состоит из трех параграфов. Ее общей задачей является более полное раскрытие источникового потенциала военной открытки, далеко выходившего за пределы роли лишь поставщика визуальных образов войны. *В первом параграфе* выявляются политические, правовые и экономические условия производства открыток, пути их распространения, в частности, доступность на фронте, масштаб и характер потребления. Особенное внимание уделяется изучению механизмов цензуры как необходимому элементу источниковедческого анализа открыток, позволяющему ответить на

вопрос, насколько существенно в военный период были ограничены возможности открытки как «средства выражения народной души». *Второй параграф* обращается к функциям открыток как средства коммуникации, их месту в структуре полевой почты, содержательному анализу посланий фронтовиков. Делается вывод, что в условиях, когда важнейшей задачей выступало сохранение внутреннего единства, именно открытки в силу их ключевой роли в полевой почте способствовали сохранению главной связи – между фронтом и тылом. *В третьем параграфе* показаны возможности открытки как исторического источника для изучения самых разных сторон «культуры войны», от различных окопных практик до благотворительности. Открытки давали психологическую разрядку и утоляли «визуальный голод» на передовой, использовались как талисманы, функционально задействовались в практиках своеобразного «военного туризма» и особенно широко применялись в благотворительности. Многочисленные второстепенные функции и практики, связанные с открыткой, показывают, с одной стороны, ее связь с довоенными конвенциями, с другой – ее адаптивность и степень включенности в «культуру войны».

В главе 3 («“Открытка угрожает государственным интересам”: борьба за визуальные трактовки войны») говорится о содержательной стороне как визуальных, так и частных посланий, о проблеме связи между ними, а также о военном опыте и роли открытки в его генерировании, распространении и мемориализации. *Первый параграф* посвящен судьбе высмеивавших врагов так называемых «потешных открыток», борьба против которых стала первым проявлением проблемы разного видения и репрезентаций войны, попыткой властей взять под контроль открытку как наиболее массовый визуальный медиум своего времени. Выступление против «потешных открыток» оказалось успешным прежде всего потому, что усилия публицистов и властей лишь ненамного опередили определенный поворот в восприятии войны обществом. Первоначальный энтузиазм таял вместе с

надеждами на быструю победу, согласно этому и издатели перестали предлагать соответствующие образы.

Иная ситуация сложилась к 1916 – 1918 гг., когда немецкое общество столкнулось с новым огромным вызовом, на этот раз внутренним, о чем говорится *во втором параграфе*. Полное экономическое истощение, голод и крайняя усталость от войны – вот те факторы, которые решающим образом влияли на публичную сферу. Уловив эти настроения, открыточная отрасль откликнулась на них, с одной стороны, возвращением к традиционным сюжетам мирного времени, т.е. фактически скрытым отрицанием войны, с другой – опять-таки сатирой и юмором. Всячески обыгрывая бедственное положение населения, в частности, рационирование потребления, открытки, по сути, вновь смягчали восприятие кризисной ситуации, давали эмоциональную разрядку. Однако власти увидели в подобных образах ненужное акцентирование внимания на внутренних проблемах и ответили на появление «голодных» открыток цензурными мерами. В значительной степени последние были связаны с тем, что речь шла именно о самом массовом, «народном» визуальном медиуме, иными словами, принципиально важным являлось не только само содержание изображений, но и то, где и, соответственно, в расчете на какую аудиторию они публиковались. Тем не менее, в отличие от ситуации осени 1914 г., сформировавшийся общественный консенсус неприятия войны и запрос на соответствующие образы были устойчивыми, и издатели открыток, несмотря на все гонения, старались всеми силами его удовлетворить и в целом смогли это сделать.

В третьем параграфе рассматривается проблема сознательности выбора фронтовиком сюжетов открыток, важность которой определяется тем фактом, что лишь в случае выявления подобного осознанного отношения комбатантов к открыткам становится возможным решение последующих исследовательских задач, касающихся корреляции между изображениями и текстами личных посланий, а также роли открыток в фиксации военного опыта. В целом, по совокупности приведенных в параграфе доводов, можно

утверждать, что в своей массе фронтовики сознательно подходили к выбору открыток и что, соответственно, как тексты, так и изображения могли служить для выражения их военного опыта. Исследование, предпринятое в *четвертом параграфе*, позволило установить, что, являясь значимой стороной «культуры войны» в целом, открытки оказались особенно важны для передачи военного опыта. Наличие цензуры и множества внутренних и внешних фильтров, разумеется, не позволяют говорить о том, что этот опыт закреплялся и передавался «как он есть». Тем не менее, открытка нередко способствовала, во-первых, самому акту выделения определенных моментов фронтовой повседневности в качестве опыта; во-вторых, она обладала меньшей временной дистанцией от пережитого, более широким его «покрытием» по сравнению с письмом и, наконец, в каких-то случаях передавала опыт более «объемно» благодаря соединению текста и изображения.

В главе 4 («“Нация с оружием” и ее союзники в отражении немецкой военной открытки») речь идет о позитивной стороне в развернувшемся в ходе войны «сражении символов» – о различных образах и ипостасях немецкой нации, а также ее немногочисленных союзников. *Первый параграф* посвящен изучению репрезентаций в военных открытках традиционных немецких национальных аллегорий – Немецкого Михеля и «Германии». Воплощавший в первую очередь империю образ «Германии» оказался пригоден для передачи главным образом политических смыслов, востребованных в первые годы войны, однако терявших в значении по мере ее затягивания. К тому же полуофициальный характер аллегории делал ее недостаточно «народной» и затруднял идентификацию с ней рядового немца. С другой стороны, ярко выраженная «народность» Михеля одновременно прочерчивала довольно жесткие границы его функций в качестве национального символа: если «Германии» не хватало «народности», то Михель был недостаточно «политичен». В этом смысле можно отметить своеобразное «разделение труда» немецких символов, причем политическая

сфера выпадала на долю «Германии» – «страны». В центре внимания *второго параграфа* находится задействованный в открытках интеграционный и мобилизационный потенциал немецких символических фигур – Бисмарка и кайзера Вильгельма II. В ходе войны исторический Бисмарк еще больше уступал место символическому и даже религиозно-мистическому, но на фоне тяжелых военных реалий все возраставшая степень абстракции снижала востребованность его как символа. По мере того, как таяли иллюзии и надежды первых месяцев войны, все более настойчиво звучал общественный запрос не на отвлеченные и абстрактные символы, а на реальное и деятельное начало, иначе говоря – на вождя. Однако фигура Вильгельма II не вполне соответствовала этому запросу. К началу Первой мировой войны сложилась специфическая функциональность кайзера как идентификационного символа, который соответствовал развороту немецкого национализма вовне, воплощал собой вооруженную силу Германии и являлся точкой притяжения для монархических представлений и лояльностей. Вместе с тем, начавшаяся война вела к неуклонной редукции связанных с фигурой кайзера символических смыслов. В частности, реалии войны быстро сделали ненужными всякие отсылки к имперским и колониальным сюжетам. Ко второй половине войны стал очевиден и явный дефицит этой символической фигуры, а именно почти полное отсутствие образов кайзера-полководца и кайзера-вождя. В этих функциях Вильгельм II был потеснен образами П.Гинденбурга, исследованию которых посвящен *третий параграф* главы. Как глубина проникновения культа Гинденбурга в народную культуру, так и широта его визуального всеприсутствия говорили о том, что именно фельдмаршал оказался ключевой немецкой идентификационной и интеграционной фигурой времен войны, оттеснив прочие реальные и аллегорические символы. Интеграционный потенциал образа Гинденбурга неуклонно увеличивался за счет наделения его все новыми смыслами, пройдя путь от удачливого полководца до общенациональной идентификационной фигуры.

Особое место в галерее национальных образов занимал солдат – главная в это время ипостась «вооруженной нации», изучению которой посвящен *четвертый параграф*. Новый, индустриализированный облик войны принес огромное дезиллюзионирование. В качестве компенсации и противодействия удручающим реалиям следовало отыскать новые героические нарративы, и технизированный облик войны открыл для них в прямом и переносном смысле слова иные измерения: героями стали летчики, а также подводники. Вместе с тем, проекции героического на «рыцарей» морской и воздушной стихий не могли в полной мере ответить на тот опыт, который получали миллионы немецких солдат в своих окопах. Одним из таких ответов стало появление в открытках второй половины войны нового типа солдата-героя, так называемого «нового человека» – агрессивного, не подверженного эмоциям, функционального, человека-машину. Однако этот тип проявил себя прежде всего в государственной пропаганде и в националистических изданиях, в то время как продукция коммерческих издательств, более точно соответствовавшая запросам уставшего от войны общества, демонстрировала скорее отказ от героического, чем его пропаганду.

Предпринятое *в пятом параграфе* изучение «образа друга» на германских открытках приводит к выводу, что в них не присутствовала столь выраженно общая основа, подобная тезису «борьбы за цивилизацию» в пропаганде стран Согласия. Отличным от ситуации в стане противников являлись также зафиксированные открытками неравноправие и иерархия в рядах Центральных держав.

В центре внимания **главы 5 («Образ врага на немецких открытках Первой мировой войны»)** находятся репрезентации на открытках врагов Германии. *Первый параграф* посвящен изучению центральной идеологической конструкции войны как противопоставления немецкой «культуры» и западной «цивилизации», «идей 1914 г.» и «идей 1789 г.». Конструкция образа врага носила комплексный характер, складываясь из уже существовавших представлений и стереотипов, с одной стороны, и нового

военного опыта – с другой. Наряду с многочисленными вариациями оборонительной стратегии, общий смысл которой заключался в отрицании обвинений в «варварстве», немецкие открытки проводили и наступательную линию, в свою очередь обвиняя в «варварстве» противников путем дискредитации, в частности, англичан и французов связью с будто бы заведомыми «варварами» – африканцами из «цветных войск» и русскими.

Второй параграф демонстрирует значительную амбивалентность образа Франции на немецких открытках. Постулируемое французское «рыцарство» начала войны выступало не столько как следствие исторических реминисценций и воспроизводство устоявшихся национальных образов, сколько в качестве поля для проекции связанных с ней ожиданий, конструирования ее традиционного, «нормального» облика. Позитивизация образа французского врага происходила во многом потому, что прочие противники Германии в силу приписываемых им качеств не могли ответить на подобные ожидания. Соответственно, общее дезиллюзионирование в ходе войны привело к потере Францией этого привилегированного статуса; в свою очередь, убыль этой части содержательного наполнения ее образа вела к дальнейшему умалению веса «наследственного врага» в пантеоне противников Германии.

Предметом рассмотрения *третьего и четвертого параграфов* является образ Англии на немецких открытках. Всегда нацеленная на актуальность, открытка полнее всего впитала в себя политическую повестку англо-германского противостояния рубежа веков и к началу войны располагала вполне сложившимся набором изобразительных антианглийских клише. К тому же безусловно принимаемая равноценность противника позволила задействовать против него весь арсенал имевшихся символических фигур, а также вынуждала более детально конструировать отличия немцев от во многом близкого «английского кузена». Английский образ врага оказался функционально востребованным вплоть до конца войны в качестве стимула к ее дальнейшему продолжению, поскольку Англия была наиболее

убедительной в роли требовавшего напряжения всех сил серьезного врага, что осознавалось как государственной пропагандой, так и радикально-националистическими силами, выступавшими за продолжение войны, в результате чего и те, и другие начинали использовать мотив исходившей от Англии угрозы.

Пятый и шестой параграфы посвящены изучению репрезентаций России на немецких открытках. Контраст с Россией был наиболее выгодным идеологически, поскольку Германия выступала в этом случае не в роли нации-эгоиста, защищающей только свои собственные ценности, а представала защитником всей европейской культуры. Одновременно связь с Россией позволяла дискредитировать Францию и Англию как «предателей» европейских ценностей. Тезис «русского деспотизма», в значительной степени под знаком неприятия к которому складывался немецкий образ России в XIX в., в условиях войны отошел на второй план; объектом пропаганды и осуществлявшегося ею «символического насилия» становился скорее сам русский народ. Функционально образ русского врага имел особенную значимость в начале и в конце войны: в первом случае для ее обоснования в качестве «оборонительной» и достижения общественного консенсуса, во втором – в качестве мотивации истощенного войной общества на продолжение борьбы путем показа перспектив «победного мира» и аннексий на Востоке.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Использование открытки в роли исторического источника предполагает четкое определение ее места в системе источниковедческого знания. Предложенное в работе понимание открытки как разновидности входящего в тип «изобразительные источники» вида «массовые печатные визуальные источники» с последующим подразделением на жанры, темы, мотивы и сюжеты позволяет реализовывать в ее отношении присущие классификациям эпистемологические функции; одновременно такое понимание отвечает насущной необходимости дальнейшего развития методических и методологических подходов к

изобразительным источникам. Вместе с тем, с позиций комплексного источниковедения открытка может трактоваться интегрально в качестве объединяющего в себе разные знаковые системы источникового комплекса, для обозначения которого в зависимости от исследовательских задач применимы понятия открыточного коммуниката и эго-документа.

Методы изучения открыток вытекают из их специфики как массового источника. Если количественные методы анализа полевой почты уже имеют богатую традицию применения, то сериально-иконографический подход в отношении открыток был применен впервые. Его смысл заключается в изучении не столько конкретного изображения на отдельной открытке, сколько в выявлении мотивов, множественность вариаций которых свидетельствует об их популярности, а также в исследовании элементов и смыслов визуальных посланий на предмет повторяемости, устойчивости либо новизны, могущих говорить об изменениях и континуитетах в изобразительных дискурсах времен войны.

В годы Первой мировой войны открытка выступила во множестве различных ролей и функций, для изучения каждой из которых она может фигурировать в качестве источника. Наиболее важной была ее первичная функция средства коммуникации, поскольку именно она способствовала решению главной задачи военного времени – сохранению внутреннего единства. Являя в этом сходство с письмами, открытки одновременно функционировали в качестве носителей самых разных визуальных посланий. В этой связи принципиально важным оказывается уже установление основного вектора этих посланий. В частности, продемонстрированное выше преобладание открыток с фронта означает, что именно солдатский выбор образов, оседая в домашних альбомах и совершая бесконечный круговорот в коллекциях собирателей, определял визуальное восприятие, *видение* Первой мировой войны для последующих поколений – в той степени, в какой это касалось места в нем открыток.

Главная ценность открытки как исторического источника заключается в уникальном сочетании индивидуального и массового, частного и публичного. Отсюда же вытекает и область его применения. Открытка мало пригодна для реконструирования исторических событий, изучения политической и даже традиционной военной истории, с ее сражениями и операциями. Открытки в первую очередь имели дело с индивидуальным измерением мирового конфликта; вместе с тем, будучи массовым феноменом, они дают богатый материал для анализа общих тенденций в ценностях, менталитете, эволюции общественных настроений в годы войны. Исходной предпосылкой для использования открытки в качестве источника по изучению всех этих сторон военной повседневности является ее сущность «зеркала народной души», вытекающая из специфики открытки как товара массового потребления. Спрос на конкретные мотивы, складывавшийся из миллионов частных предпочтений, и в годы войны, пусть и в усеченном виде, продолжал служить для издателей главным двигателем их деятельности, что показала, например, судьба «голодных» открыток.

Особенное значение имеет роль открытки как источника по изучению нового военного опыта, его продуцирования, распространения и коммеморации. Этот опыт оказался очень разным, и для настоящего исследования принципиальным являлось обращение к фронтовым переживаниям немецких комбатантов. Как было показано в работе, образный ряд открыток способствовал фиксации части переживаемого в качестве нового опыта, а также передаче и мемориализации последнего, например, в случае любительских фотооткрыток. Однако еще более значимым образом роль и функции открыток проявились не столько в паре «переживание – опыт», сколько в отношении «личный опыт – публичная трактовка», поскольку именно открытка, располагавшаяся, как указывалось, на грани личной и публичной сфер, является наиболее релевантным источником для изучения этой проблемы.

Проведенный анализ показал, что использование военных открыток в качестве исторического источника должно постоянно иметь в виду конструктивистский характер как изображений, так и текстов личных посланий. Несмотря на всю свою «наглядность» и «очевидность», открытки показывают не войну, «как она была», а лишь ее репрезентации. Будучи неотъемлемой и принципиальной чертой любого изображения, в военных условиях этот репрезентационный момент приобрел новое качество. С одной стороны, шла борьба за образы войны, в рамках которых предлагались конкурирующие модели ее видения и значительную роль играли цензура и пропаганда. С другой стороны, имел место эффект «тривиализации» войны, в результате которого она изображалась как нечто приемлемое и терпимое.

Истолковывая глубинные смыслы войны, образный мир немецких открыток разными способами отражал в первую очередь ее главную суть - конфликта, противостояния «мы» и «они», немецкой нации и ее «мира, полного врагов». В целом, изображение на открытках различных национальных фигур объективно выполняло интегрирующую функцию, поясняя для рядового немца его принадлежность к национальному сообществу, рисуя для него поднимающийся над обыденностью образ немецкой нации как деятельного субъекта истории, переводя всю сложность и неочевидность текущего конфликта в понятные термины борьбы и противостояния антропоморфных национальных символов.

Тезис «войны за культуру» оказался далек от той универсальности, которой обладала пропагандистская модель «борьбы за цивилизацию», выдвинутая противниками Германии, поскольку содержал внутреннее противоречие: репрезентируя себя в качестве оплота против «варварства», немецкая пропаганда постулировала тем самым наличие некой общеевропейской культуры, но вместе с тем настаивала на эксклюзивности культуры собственно немецкой, противопоставляя ее поверхностной либо материалистической «цивилизации», соответственно, Франции и Англии.

Различавшиеся дефиниции врагов и применявшихся к ним ипостасей «культуры» позволяли более дифференцированно высветить грани собственной идентичности – превзойти в «рыцарстве», но одновременно и в материальном прогрессе французов, ощутить свое духовное превосходство над приземленными торгашами-англичанами, сделать русскую «некультуру» аргументом господства и подчинения.

Основными индикаторами востребованности потребителями всех этих открыточных образов являются, как отмечалось, с одной стороны, общий спрос на те или иные мотивы, повторяемость определенных элементов на них, выявляемых с помощью анализа рыночной ситуации, и, с другой, количественный анализ текстов личных посланий. Проведенное исследование показывает, что, несмотря на скепсис в этом отношении ряда историков, открытки могут служить источником по изучению общественных настроений в годы войны.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Публикации в научных журналах, индексируемых в системах цитирования Web of Science, Scopus, Russian Science Citation Index (RSCI), а также в рецензируемых научных изданиях, определенных решением Ученого совета МГУ (27,2 п.л.):

1. *Медяков А.С.* «Ру ку», или образ русских на немецких открытках Первой мировой войны // Родина. 2011. № 3. С. 82-87. (0,9 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,072).
2. *Медяков А.С.* «Там, на Востоке стоит наш единственный враг». Август Бебель о России // Родина. 2012. № 5. С. 86-91. (0,8 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,072).
3. *Медяков А.С.* Запах России // Диалог со временем. 2012. Т. 40. С. 118-133. (0,9 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,220, SJR WoS 0,100).
4. *Медяков А.С.* «Совершенная несогласуемость интересов»? Русско-германские и русско-австрийские отношения на рубеже XIX-XX вв. //

Российская история. 2014. № 5. С. 184-190. (0,6 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,520, SJR WoS 0,144).

5. *Медяков А.С.* Михель против казака: русско-германские отношения в открытках Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 3. (0,9 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,096).
6. *Медяков А.С.* «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» // Российская история. 2015. № 6. С. 63-84. (1,9 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,520, SJR WoS 0,144).
7. *Медяков А.С.* Образ «Германии» на открытках времен Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 167-177. (1,3 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,302).
8. *Медяков А.С.* Неожиданный друг: образ Османской империи на австрийских открытках Первой мировой войны // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 42-45. (0,3 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,160).
9. *Медяков А.С.* «На память о великом человеке». Бисмарк на немецкой почтовой открытке рубежа XIX–XX веков // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 218-228. (1 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,302).
10. *Медяков А.С.* «Пробуждение Востока»: Османская империя в немецкой пропагандистской открытке эпохи Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 5. С. 42-59. (1,1 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,107).
11. *Медяков А.С.* Русская пропаганда в Первой мировой войне // Преподавание истории и обществознания в школе. 2018. № 7. С. 58-68. (0,8 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,096).
12. *Медяков А.С.* Отражение германской оккупации Франции и Бельгии на почтовых открытках 1914-1918 гг. // Французский ежегодник. 2018. Т. 51. С. 296-314. (1 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,121).

13. *Медяков А.С.* От крестьянина до архангела: образ немецкого Михеля в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2018. Т. 63. С. 146-166. (1,4 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,220, SJR WoS 0,100).
14. *Медяков А.С.* Образ Бисмарка в российской и немецкой пропаганде периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2018. № 11. С. 81-86. (0,7 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,099).
15. *Медяков А.С.* Изучение визуальной истории в Германии: основные подходы в историографии и методике исследований // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 6. С. 121-145. (1,5 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,107).
16. *Медяков А.С.* «Хайль Бисмарк!» «Железный канцлер» как символическая фигура немецкого национализма в открытках рубежа XIX–XX вв // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 201-223. (1,1 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,626, SJR WoS 0,164).
17. *Медяков А.С.* «Совершенно новое средство агитации»: о значении и функциях немецкой «национальной открытки» в Австро-Венгрии рубежа XIX-XX вв. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2018. № 2. С. 80-97. (1,1 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,339, SJR WoS 0,131).
18. *Медяков А.С.* «Железные символы железной поры»: о практике «нагелунга» в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 108-127. (1,5 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,483, SJR WoS 0,111).
19. *Медяков А.С.* «Грязный злой русский». Образ России на немецких открытках Первой мировой войны // Российская история. 2018. № 6. С. 65-83. (2 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,520, SJR WoS 0,144).
20. *Медяков А.С.* Открытка рубежа XIX-XX вв. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. Т. 67. С. 146-162. (1,2 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,220, SJR WoS 0,100).
21. *Медяков А.С.* «Открытки достаточно». Место и функции открытки в германской полевой почте периода Первой мировой войны // Вестник

Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 3. С. 82-97. (0,8 п.л., импакт-фактор РИНЦ 0,107).

22. *Medyakov A.* Der olfaktorische Symbolismus im deutschen Russlandbild des 19. Jahrhunderts // Historische Zeitschrift. 2017. Bd. 305. № 3. S. 657-688. (2,2 п.л., Source Normalized Impact per Paper 0,414, SJR WoS 0,125).

Монография и главы в коллективных монографиях (16,7 п.л.):

23. *Медяков А.С.* Национальное сознание и национальная идея немцев (конец XVIII в. – 1871 г.) // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Отв. ред. В.С.Бондарчук. М.: Вече, 2005. 495 с. (4 п.л.).
24. *Медяков А.С.* Первая мировая война на почтовых открытках / World War I in postcards. Т. I-IV. Киров, 2014. (11 п.л.)
25. *Медяков А.С.* Образ России в германской пропаганде Первой мировой войны // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 1. Россия и Центральные державы. М.: Международные отношения, 2020. 369 с. (1,7 п.л.).

Иные публикации (4,4 п.л.):

26. *Медяков А.С.* Об особенностях международного конфликта в «эпоху национализма» XIX в. // Российская американистика в поисках новых подходов. М.: Изд. Моск. ун-та, 1998. С. 129-138. (0,3 п.л.).
27. *Медяков А.С.* Национализм и международный конфликт в XIX в. // Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 41-58. (0,4 п.л.).
28. *Медяков А.С.* Русско-германские отношения в политической открытке Первой мировой войны // Первая мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. Е.Ю.Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 248-251. (0,2 п.л.).
29. *Медяков А.С.* «Культура» и «варварство» в изобразительной пропаганде Первой мировой войны // Великая война и начало нового мира: актуальная повестка для человечества. М., 2015. С. 142-145. (0,2 п.л.).

30. *Медяков А.С.* Первая мировая как «война культур» в немецких, французских и русских открытках 1914-1918 гг. // От альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского коллоквиума. М.: РОССПЭН, 2015. С. 219-234. (0,5 п.л.).
31. *Medyakov A.* Die russische Historiographie zum Untergang der Habsburgermonarchie // Rumpler H. (Hg.) Bewältigte Vergangenheit? Die nationale und internationale Historiographie zum Untergang der Habsburgermonarchie als ideelle Grundlage für die Neuordnung Europas. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2018. S. 397-415. (2 п.л.).
32. *Medyakov A.* Propaganda at Home (Russian Empire) // Daniel U., Gatrell P., Janz O., Jones H., Keen J., Kramer A., Nasson B. (ed.) 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War. DOI: 10.15463/ie1418.10479 (0,8 п.л.).